
По утрам тяжелеют обычные вещи,
Даже чашку из шкафа с трудом достаю.
И оборванный сон представляется вещим,
И качается мир, и стоит на краю.

Это жизнь. Это вечное преодоление.
Я огонь разжигаю в печи, и во мне
От живого тепла разбегаются тени,
Поднимается день, будто тесто в квашне,

Набухает, ползёт и становится хлебом
Под моими руками, привычно обмят.
И крошу, и ломаю его на потребу,
А к полуночи охну — он был или не был? —
Но плывёт над землёю его аромат.

Я чувствую синичьи коготки:
Отважно корм берут они с руки
И прочь уносят. Клювиков работу
Я слышу в первозданной тишине.
Стою, молчу, мне грустно отчего-то.
Увидят ли они меня во сне
Сегодняшнем, и если да, какую?
В ушанке, возле ветхого жилья,
Старухую с протянутой рукою?
А может, только внутреннее «я»
Им ведомо? На землю свет струится,
Преображая налетевший снег.
Погаснет он — и мне пора, и птицам
Спешить к ночлегу, находить ночлег...

Они — моя родня,
Им хлеб крошу-ломаю
И новые стихи
 тихонько говорю.
И слушают они
 от октября до мая,
И слушать мне велят
 от мая к октябрю.
А скроются они —
И странное сиротство...
И человеческий мир
 беспамятен и чужд.
А сердце из груди,
Того гляди, сорвётся
И сядет воробьём
На облетевший куст.

Мне захотелось выйти в тишину,
 Сбежать в неё от внутреннего шума.
 И вот стою, и на меня одну
 Со всех сторон, по-зимнему угрюмый,
 Глядит декабрьский лес:

— Зачем ко мне?

Печален я. Какие разговоры!
 Давно пора по снежной целине
 Носиться зайцу. Новогодье скоро,
 А нечем укрываться от невзгод.
 То хлещет дождь, то в ярости калечит,
 Ломает сучья и деревья гнёт
 Залётный ветер. Облик человеческий
 Нам ненавистен. Вы всему виной.
 О, если бы земле собраться с силой,
 Пойти на вас и одолеть войной!

Вздохнув, он замолчал.

А я взмолилась:

— Великий лес! С тобою я скорблю
 О каждой ветке, лепестке, былинке,
 О том, что трудно даже воробью
 Найти свой мир;

и праздник как поминки.

Но ведаешь ли? Маемся и мы
 От суеты, от власти бесполезной,
 От горло захлестнувшей горькой тьмы;
 И новый век своей пятой железной
 Вытаптывает след былых времён,
 А вместе с ним — и сердце человечье...
 Прости нас, лес!

И колыхнулся он,

И ветви опустились мне на плечи...

Сама себе кажусь большим кустом,
Задумчиво бредущим через поле.
Остановлюсь, вздохну о прожитом.
О том, что стало тихо нынче в школе,
Закрыт большой сельповский магазин.
Хоть флаг ещё торчит над сельсоветом —
Дверь заперта. И сколько лет и зим
В деревне жизнь протеплится? Об этом
Не знает куст. Да и к чему кусту
Тревожиться и будоражить память?
Иду вперёд, цепляя пустоту
Для всех ветров открытыми корнями.

По снегам осторожно ступая,
Проминаю дорогу вперёд,
А зима вслед за мной замедляет
И тропинку, и лето, и год,
Словно лепит пространства иные,
Где не будет случайного дня,
И тревожно былинки сухие
Из-под снега глядят на меня.
Их пугает неясная доля —
Переход в угасание, в тьму.
Чтобы зря не тревожилось поле,
Наклонюсь и его обниму.
Буду гладить ладонями травы,
Не расстанемся — корень один.
Не увёл меня век мой лукавый
От любимых российских равнин.
Ты со мной, моя вольная воля!
Угасает закат в облаках.
Дремлет поле, бескрайнее поле,
Как младенец, на женских руках.

Родные имена

Я словно землю трогаю
Солёным языком,
Названия дорог её,
Ложбинок за леском.
Шепчу-верчу заветное,
Пытаясь разгадать.
За листьями, за ветками
Мелькнут — и не видать.
Заросшие, забытые,
Уходят из-под ног —
Ивановская, Житники,
Баракин перелог..
Зовут нас отголосками
В былые времена
Чащово поле, Плоское.
В особицу война
Отметила — Солдатское,
Откуда в бой ушли.
...Кому — могила братская,
А кто — поверх земли...

Дома пустые, древние —
Волово, Наволок...
С моей родной деревнею
исчезнут — будет срок —
Кривое и Веретя,
Горбатница... Как сон,
растает — и не встретимся —
Поэзия имён.

Обижаюсь, услышав,
что реки — маленькие,
деревушки — невзрачные,
край — заброшенный.
Для меня каждый цветик —
цветочек аленький,
и о каждой травинке грущу
нескошенной.

И дома называю
хозяев именем,
пусть дымок
не над каждою крышей
тянется.
А весной стою
над морями синими.
Кена, Чурьега, Сондола —
все красавицы.

А когда повезут —
будет день —
дорогами
в наволоцкий край,
на моё пристанище,
мимо серых поженок
с перелогамии...
Нет, не мимо! —
Со мною они останутся
навсегда...

А у мамы кукол не было —
Настоящих, — ни одной.
Были очереди хлебные,
Дольше, чем война, длиной.
Кипяток пустой, без сахара, —
Да в потёмках от крыльца.
Жизнь, как поле, перепахана
Похоронкой на отца.
После будет ли желание
Эти годы вспоминать?
...Да зато какое звание —
Выпускница-45.

Лампы

Ночник материнский и лампу отцову
В субботу зажгу я опять.
Их свет, точно отблеск далёкого слова,
Которого не разобрать,
Пока не слышался звук из заречья,
Пока на другом берегу
Хромой перевозчик с котомкой заплечной
Устало стоит на снегу.
Пока он сигарку свою не потушит,
Пока не откроет замка
И ржавой тоской громыхнёт в мою душу
Старинная цепь челнока,
Пока я люблю, вспоминаю и плачу,
Пока ожидаю восход,
Помедли, весло, потому что иначе
Кто лампы в субботу зажжёт?

Молитва

Забудь моё имя.
Пускай растворится, как дым.
И голос возьми —
Ни к чему бесполезная песня.
Позволь хоть снежинкой
Кружиться над лугом моим,
Над речкой и полем —
Над всем этим краем безвестным.
Пускай не у моря,
Мне только б смотреть с высоты
На эти дома,
На ушедшие в небыль деревни,
На лес поредевший,
Стоящие насмерть мосты —
Они, как часовни, застыли
В молении древнем.
Позволь мне остаться
На стрелке затерянных рек
Песком или камнем,
Прибрежною белой глиной.
Не дай отступиться,
Когда отступается век
И прадед молчит,
Укоризненно глядя
Мне в спину.

Моё синичье царство не достанется
Теперь уже, наверно, никому.
Осталось мне смириться и состариться,
Переходя в неведомую тьму.
Но лёгкий стук за окнами послышится,
И хитрый глаз уставится в лицо.
И я пойду, пока живётся-дышится,
С тарелкой корма к птицам на крыльцо

Чей сад?

А всё-таки и сад,
Наверное, не ваш.
Поставили забор?
И никакой прохожий
Не может заглянуть?
Избавились от краж?
А всё-таки не ваш,
Он — Божий.
В нём яблоки, айва,
Инжир и виноград.
А может быть,
Крыжовник или вишня?
Купили землю вы
И взращивали сад?
Ну, значит, третий вы.
Дай бог, не лишний...
Бумага есть у вас,
И с некоторых пор...
Но полноте,
Оставим споры.
А ваше что тогда?
Да этот вот забор
И мусор — у забора.
Какое право я?
Да не кричи, сосед!
Присядем здесь, в саду,
Передохнём немного.
Я так же, как и ты,
Уже немало лет
В своём саду служу —
Садовником у Бога.

Как вязок зимний быт...
В шуте застряла лодка,
И лёгкое весло
Сломать не может лёд.
Затворницей живу,
А зимний день короткий
Меж сонных берегов
Плывёт себе, плывёт...

Я на него гляжу,
Глядеть не успевая,
Пока бреду с ведром
среди моих синиц,
Пока топчу тропу,
Пока слеза живая
Нет-нет и упадёт
С заснеженных ресниц.

Как сладок зимний быт...
Просторы избыные
Гудят печным теплом,
Разреживая тьму.
И просто, и светло
живу в глуби России,
и радуюсь снегам
и — твоему письму...